

Бережной Дмитрий Николаевич

Berezhnoy Dmitry Nikolaevich

студент

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», РФ, г.

Владивосток

научный руководитель

Шереметьева Наталья Владимировна

Sheremetyeva Natalya Vladimirovna

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», РФ, г.

Владивосток

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

PROBLEMS OF PROCEDURAL SUCCESSORY IN ARBITRATION PROCESS

Abstract. This article examines issues of procedural succession, i.e. the replacement of one of the parties to the process by another person - the successor. Participation of third parties who have not declared independent claims to the subject of the dispute, in the economic process.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы процессуального правопреемства, то есть замена одной из сторон процесса другим лицом - правопреемником. Участие третьих лиц, которые не заявили самостоятельных требований на предмет спора, в хозяйственном процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс; арбитражный суд, правопреемство; толкование норм права, истец, ответчик.

Keywords: arbitration process; arbitration court, succession; interpretation of legal norms, plaintiff, defendant.

Под правопреемством в арбитражном процессе подразумевается ситуация, когда один участник разбирательства передает другому свои полномочия. При такой замене происходит переход материальных прав к новому лицу. Соответственно, в судебном деле необходимо изменение состава сторон. Если в процессе спора или после его окончания правомочия и обязательства переходят к иному субъекту, судом должна выполняться замена участника в процессе.

У правопреемника истца есть право на требование удовлетворения исковых заявлений, а у правопреемника ответчика – на их оспаривание. Замена участника может осуществляться при условии изменений в материально-правовых отношениях, обусловленных, например, реорганизацией компании, уступкой требований, переводом долговых обязательств и т.п.

Новому участнику процесса полностью передается его роль в деле, все включая весь объем процессуальных прав и обязанностей его предшественника. Вопросы, связанные с рассматриваемым институтом, регулируются положениями ст. 48 АПК РФ [5, с.34].

Примечательно, что арбитражные суды могут по-разному трактовать условия процессуального правопреемства, что приводит к появлению проблем в правоприменительной практике. Замена стороны в деле, согласно ст. 48 АПК РФ, возможна при ее выбытии из спорного либо подтвержденного судом правоотношения. Речь идет о таких случаях, например, как смерть физлица, реорганизация предприятия, цессия, перевод долга. В то же время, этот перечень исчерпывающим не является, в связи с чем специалисты продолжают дискуссии по этим вопросам [4, с. 79].

Формулировка «и иные случаи перемены лиц в обязательствах» обуславливает искусственное сужение возможных оснований для правопреемства. Целесообразней было бы использовать указание на «иные ситуации изменения субъектного состава в материально-правовых отношениях». Им охватываются любые возможные варианты перехода прав.

Действующее законодательство на данный момент предусматривает, что процессуальная замена сторон может иметь место исключительно при материально-правовом переходе прав. Это вызывает ряд проблем в судебной практике. Особенно это касается случаев частичного преемства. Строгое следование буквальному толкованию норм со стороны судов приводит к отказу с их стороны в замене участников процесса в случаях, когда

фактический переход прав имеет место, но не подпадает под параметры традиционных форм перемены участников в обязательстве.

Также здесь необходимо подчеркнуть разницу между производным и первоначальным приобретением прав. Для процессуального преемства допустим только первый вариант, предусматривающий вытекание прав нового субъекта из прав его предшественника, но не их независимое от предыдущего правообладателя появление.

Многие ученые-юристы не единожды обращали внимание на необходимость разграничить между собой материальное и процессуальное правопреемство. При этом они указывали на принципиально разную природу и задачи этих правовых механизмов. Фундаментальное различие между ними подчеркивалось известным исследователем М.А. Гурвичем, указывавшим на исключительно персональный характер искового права, не подлежащего передаче ни в рамках универсального, ни в пределах сингулярного правопреемства. Этим оно в значительной мере отличается от большей части гражданских прав, переход которых к другим субъектам вполне возможен.

Также стоит остановиться на метком замечании Д.Б. Абушенко, подчеркивающим игнорирование в материальном правопреемстве такого ключевого элемента, как согласие участников правоотношений. Этот автор указанный аспект считает ключевым, обязательным для учета в анализе правопреемства [2, с. 109].

В свете сказанного выше становится вполне ясной необходимость рассмотрения процессуального и материального правопреемства в качестве обособленных правовых категорий, имеющих свою специфику и сферу применения.

В отношении целесообразности действующего законодательства, устанавливающего зависимость между процессуальным и материальным правопреемством, появляются серьезные сомнения. Судебные риски, в т.ч. неблагоприятные процессуальные последствия, которые уже возникли на момент перехода прав, автоматически распространяются на правопреемника.

Результатом такого подхода становится значительная правовая неопределенность. Особым негативным моментом является частая неизвестность реального объема таких последствий вплоть до вынесения окончательного решения суда.

Следствием механической замены стороны в процессе, базирующейся исключительно на материально-правовых критериях, может стать правовая нестабильность. Так, вышестоящий суд может аннулировать результаты рассмотрения дела уже после того, как произойдет процессуальное правопреемство. Проблемней всего могут считаться ситуации, при которых правопреемник остается носителем материальных прав наряду с правопреемником.

Здесь было бы целесообразно обеспечить, чтобы процессуальное правопреемство зависело от согласия заинтересованных лиц, т.е. тех, на чьи права и обязанности смена стороны в процессе может повлиять. Таким образом, при замене стороны решающее значение должна иметь воля участников правоотношения, а вовсе не формальные материально-правовые предпосылки.

В арбитражном процессуальном праве существует значительный пробел, связанный с отсутствием четких правил в регулировании процедуры рассмотрения ходатайств по процессуальному правопреемству. Этот проблемный аспект чрезвычайно актуален с учетом возможности возникновения оснований для правопреемства на разных этапах разбирательства, в т.ч. на стадии исполнения судебного акта.

Кроме того, в АПК РФ не установлены специальные сроки для обжалования определений относительно замены стороны или отказа в таком процессуальном действии (тогда как в гражданском судопроизводстве такие вопросы урегулированы более четко).

Оптимальным вариантом можно считать закрепление дифференцированных сроков для обжалования таких судебных актов с их привязкой к соответствующим стадиям процесса. Так, для подачи жалобы на

определение о правопреемстве, например, должен отводиться срок, установленный для вступления в законную силу судебного решения по данной категории дел. Это позволит сбалансировать между собой принципы правовой определенности и эффективности судопроизводства.

Если условия для процессуального правопреемства появляются в процессе исполнительного производства, предусмотрено применение особого порядка действий. Выбытие участника исполнительного процесса означает необходимость его замены правопреемником, выполняемой судебным приставом-исполнителем (ст. 52 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Подобная замена производится на основании соответствующего судебного акта или решения уполномоченного органа.

ВАС РФ в своих разъяснениях особо останавливался на автономном характере исполнительного производства в качестве завершающего этапа арбитражного процесса. Президиумом ВАС РФ было отмечено, что при процедуре замены взыскателя либо должника требуется соблюсти нормы, приведенные в ст. 48 АПК РФ. Это обеспечит правовую преемственность на всех стадиях судопроизводства, в т.ч. этапе принудительного исполнения.

Исходя из этого, институт правопреемства должен применяться единообразно и в процессе судебного разбирательства, и в ходе исполнения принятых судебных актов. Это позволит соблюсти принцип процессуальной экономии и защитить права участников исполнительного производства.

Особенно проблемными могут считаться ситуации, при которых в арбитражном процессе участвует не являющийся предпринимателем гражданин. В судебной практике в таких случаях можно встретить немало противоречий.

Если правопреемником одного из участников становится физлицо, на стадии судебного разбирательства в основном принимается решение о прекращении производства по делу и его последующей передаче в суд общей юрисдикции. Но если аналогичная ситуация складывается на стадии исполнения судебного акта, подход обычно изменяется. Здесь за арбитражным

судом сохраняется компетенция по рассмотрению вопроса о правопреемстве [3, с. 399].

Это различие в подходах связано с особенностями юрисдикции. Все вопросы правопреемства по исполнительным документам арбитражных судов принадлежат к исключительной компетенции арбитражной системы. Суды общей юрисдикции подобные вопросы по арбитражным делам рассматривать не вправе. При этом указанный принцип работает и в обратную сторону.

Литература:

1. Абушенко Д.Б. Процессуальное правопреемство в арбитражном судопроизводстве. - М.: Норма, 2023. - 216 с.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления процессуального правопреемства. - СПб.: Изд-во РГПУ, 2022. - 184 с.
3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / под ред. В.В. Яркова. 7-е изд. - М.: Статут, 2024. - 1024 с.
4. Мурадян Э.М. Особенности правопреемства в исполнительном производстве // Закон. - 2023. - № 11. - С. 78-87.
5. Фурсов Д.А. Процессуальное правопреемство: теория и современные проблемы // Журнал российского права. - 2024. - № 5. - С. 34-46.